

**ТЮРЬМЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ:
МЕЖДУ МИФОМ И РЕАЛЬНОСТЬЮ, АДОМ И ЧИСТИЛИЩЕМ***

Г. Гелтнер

Университет Амстердама

Поступила в редакцию 12 марта 2018 г.

Аннотация: *когда были основаны средневековые тюрьмы? Какова была жизнь в них? Как их воспринимали современники? Ставя перед собой такие вопросы, эта статья сводит вместе больше столетия научной работы, подрывающей представления о принятой дате «рождения» тюрем, проливает свет на терпимые условия лишения свободы во времена Средневековья и раскрывает представления современников о расположении тюрем и жизни в них.*

Ключевые слова: *тюрьма, темница, заключение.*

Abstract: *when were medieval prisons founded? What was life inside them like? How did contemporary observers perceive them? Addressing such questions, this article brings together over a century of scholarship that undermines the traditional dating of the prison's «birth», sheds light on the tolerable realities of medieval captivity, and identifies a range of contemporary interpretations of prison life and spaces.*

Key words: *prison, jail, imprisonment.*

Создание тюрем как карательного института обычно датируется концом XVIII в. и приписывается влиянию идей Возрождения о способности человека очистить душу и прерогативе государства на осуществление этого процесса [23, р. 19–26; 24; 26; 41, р. 419–494; 58; 81; 87; 89, р. 45–67]. Принятая хронология отрицает пенитенциарную роль тюрем раннего периода, по крайней мере вне церковной юрисдикции. Соответственно, преобладает мнение, что в Средние века тюрьмы служили как места досудебного содержания или как способ давления на неплательщиков; в свою очередь, ограничение свободы как карательный инструмент «не существовало или представляло собой в лучшем случае незначительное исключение» [28, р. 27].

Пожалуй, самое красноречивое опровержение подобных утверждений было сделано Ральфом Пью в 1968 г. в его работе «Тюремное заключение в Средневековой Англии». Пью начал с того, что переформулировал то, что большинство исследователей тюремной жизни (включая средневековых юристов) уже знало, а именно то, что термины «досудебное, принудительное и уголовное лишение свободы» хороши в теории, но плохо описывают существующие практики.

Таким образом, сказать, что средневековая «пеналогия» специально избегала лишения свободы, было бы анахронично и запутывающе. Пью затем продемонстрировал, что даже в строгом смысле тюремное заключение было как используемым юридическим концептом, так и практической мерой пресечения в Англии высоких и поздних Средних веков [74] (более ранние ключевые работы по английским средневековым тюрьмам см. [4; 5]). Как показали исследования последних 150 лет, этот же аргумент можно применить и к периоду от поздней Античности до поздних Средних веков [7; 8, р. 51–70, 163–182; 9; 10; 13, р. 64–85; 15; 18; 19; 21; 27; 33; 34, р. 58–87; 35, р. 51–108; 39; 44, р. 56–67; 50, р. 13–93; 57, р. 147–169; 65, р. 1141–1176; 68, р. 154–167; 70, р. 3–43; 72, р. 211–245, 398–428; 84; 85, р. 345–372; 91, р. 262–274] (о лишении свободы в период поздней Античности см. [29; 38; 47; 48, р. 117–128; 60, р. 128–147; 62]).

Введение тюремного заключения оставило важный след в организации местных систем правосудия. Например, для того, чтобы ввести заключение в широкую практику, магистратам необходимо было построить тюрьмы и оборудовать их, нанять служащих (тюремных надзирателей, стражников, нотариусов), а также предоставить разнообразный обслуживающий персонал (коронеров, плотников, водоносов, врачей, священников). Более того, городской совет должен был регулировать найм персонала, устанавливать им жалование, разрабатывать надзирательный механизм для наблюдения за их поведе-

* John Wiley & Sons Ltd The Atrium Southern Gate, Chichester West Sussex, PO19 8SQ UK; Geltner Guy. Оригинальная публикация: «Medieval Prisons: Between Myth and Reality, Hell and Purgatory» // *History Compass* 4: р. 261–274.

© Гелтнер Г., 2018

© Сумин А. В., Марков А. С., перевод на русский язык, 2018

нием. Эта интенсивная активность в тюрьмах и вокруг них была беспрецедентной и во многих аспектах заложила фундамент для современной системы управления в тюрьмах: Лондонская Fleet Prison, Парижская Châtelet и Флорентийская Le Stinche – чтобы лишь обозначить несколько выдающихся объектов среди современных учреждений, просуществовавших столетия.

До основания муниципальных тюрем (на которых мы в основном сконцентрируемся в этой статье) заключение было стандартной церковной уголовной практикой. Идеологически выступавшая против кровопролития и обусловленная относительной автономностью юрисдикции Церковь приговаривала заблудших клириков к тюремному заключению (известному как «detgusio» (лат.)) как минимум с IV в. [10; 45, p. 17–27; 49, p. 232–279; 70, p. 22–30] (о покаянной (penitential) литературе и монастырском заключении см. [52, p. 321–335; 73, p. 122–123]). Более того, покаянные сборники в течение Средних веков выступали за применение тюремного заключения как карательной меры против мирян, но неизвестно, насколько эти инструкции были применимы на практике. В любом случае многие монастыри и дворцы епископов выполняли основные обязанности тюрем. Мы мало знаем о жизни в них, но некоторые факты позволяют предположить, что они были основаны на монашеской практике покаяния с уединением, долгими постами и молитвами. Но нет оснований полагать, что клирики (и по случаю миряне), к которым применяли данные наказания, когда-либо принимали монашеский обет. С начала XIII в. Церковь получила возможность заключать в тюрьму мирян так, как никогда прежде, из-за деятельности папской инквизиции, которая часто помещала еретиков в тюрьмы [12; 31]. В общем, хотя заключение в тюрьму редко применялось в мирской жизни, церковные практики, несомненно, посеяли семена, связывающие тюрьму с духовным исправлением, что отражено в современном термине «исправительное учреждение».

Еще одним из вариантов средневековых тюрем были подземелья замков, башни, сторожки или ямы, которые, будучи использованы как литературные приемы в наше время, оказали наибольшее влияние на представления людей. Без сомнения, феодальные правители иногда помещали туда подданных и политических противников на время судебных разбирательств, использовали как меру наказания или просто ради выкупа. Условия в таких тюрьмах различались от места к месту и сильно зависели от социального статуса заключенного. Доступной информации слишком мало, чтобы судить о распространенности подобных практик, но изучение жизнеописаний «святых, сбежавших из тюрьмы» (первым из

которых был св. Леонард), позволяет судить о том, что они были обычными или же достаточно позорными, чтобы породить подобных героев [36, p. 61–156; 83; 92, p. 1–23]. В общем, похоже, что подобное «феодалное» заключение в тюрьму было эпизодическим, его часто применяли на индивидуальной основе и никогда не подвергали официальному регулированию.

На фоне этого светские муниципальные тюрьмы позднего Средневековья демонстрировали несколько ключевых нововведений, важнейшие из которых – тщательное правовое регулирование и административная сложность. Во Флоренции, к примеру, было 4 надсмотрщика, 4–6 стражников, нотариус, управляющий, врач, священник, смотритель и 2 монаха нищенствующего ордена, которые обслуживали заключенных, а еще 3 члена наблюдательного совета, контролирующего поведение офицеров и состояние обитателей. Штатный персонал жил в новом специально оборудованном помещении – Le Stinche, основанном в 1300 г., скорее всего, первой специально построенной тюрьме в Италии и одной из первых в Европе. Там размещалось больше 800 заключенных в год. И хотя большинство заключенных было частными или государственными должниками, кого-то заключали в тюрьму за мелкие преступления, такие как кража, азартные игры, ношение оружия, а еще больше за невозможность выплатить штраф за совершение разнообразных преступлений: от мошенничества до насильственных нападений. Рабы (в основном женщины) были иногда подвергаемы заключению именно для исправления (pro emendare). В определенном смысле Le Stinche демонстрирует свойства современных учреждений и «пенологии» [93, p. 148–166; 54, p. 133–160].

Локальные исследования показали, что Le Stinche не была единичным случаем. Фактически это означает, что 1250–1350 гг. были переломным моментом в истории тюрем. Как объяснить это изменение? Увеличение количества мест для заключения в Западной Европе совпало с периодом интенсивной урбанизации и ростом городских (общинных) свобод [66]. Как отражение этого процесса в течение XIII в. городская среда трансформировалась, чтобы удовлетворять нуждам партиципаторной идеологии: принятие политических решений больше не являлось прерогативой отпрысков местной аристократии и практически и символически начало проводиться в новых централизованных сооружениях: ратуше, суде, на главной площади [71; 75, p. 133–153; 77, p. 271–296]. В попытке объединить их юридические управления городские общины добивались заключения девиантов, инакомыслящих и преступников в здания тюрем, которые магистрат обычно основывал внутри здания главного управления или где-то рядом. В от-

личие от настоящего времени, средневековые тюрьмы были в центре, у всех на виду¹.

Кроме символического смысла, такое расположение тюрем преследовало и практические цели. Средневековые правительства редко предоставляли своим заключенным услуги, которые привычны (и почти бесплатны) сейчас, такие как питание, медицинская и духовная помощь, восстановительные и обучающие программы. Соответственно, центральное расположение тюрем позволяло добиться того, что не только сами сооружения, но и их обитатели были на виду и доступны. Фактически множество людей были там завсегда – члены городского магистрата, обвинители, что само собой разумеется, но еще и священники, врачи, члены семьи, друзья, соотрудники, отвечающие за милостыню, партнеры по бизнесу и даже проститутки. Таким образом, средневековые обитатели никогда не были полностью отрезаны от окружающего общества, что накладывало отпечаток на поведение персонала².

Поток людей тек в тюрьму и обратно. Как тюрьма становилась *sine qua non* (неотъемлемым элементом) городского ландшафта, так и ее обитатели вписывались в городскую панораму. Они покидали свои камеры, чтобы нищенствовать, заниматься юридическими делами, присутствовать на семейных мероприятиях. Три или четыре раза в год во время основных литургических праздников преступников предоставляли местному собору от имени города [46, p. 222–296]. Неудивительно, что в этот период наблюдалось наибольшее количество пожертвований на облегчение условий содержания заключенных или освобождение из тюрем несчастнейших из них. Согласно одному исследованию, больше 25 % Лондонских завещаний в период с 1376 по 1531 г. содержали части о материальной выгоде для обитателей тюрем [79, p. 109–110; 88, p. 179]. В совокупности факты о связи заключенных с внешним миром подтверждают, что тюремная жизнь в Средние века была далека как от современного стереотипа «пекла», так и от современной концепции тюрем как «централизованной» организации³.

¹ Примерно через шестьсот лет тюрьма стала исчезать из городских ландшафтов, мы стали свидетелями ее миграции на периферию и в сельские районы. В других случаях тюрьма просто замаскирована как гостиница в центре города (как в Лос-Анджелесе) или как здание правительства без таблички (как в Филадельфии, Чикаго и Нью-Йорке) [16; 43].

² В своем классическом исследовании «The Society of Captives. A Study of a Maximum Security Prison» (Принстон, Нью-Джерси: Принстонский университет, 1958, С. 63–83) Г. М. Сайкс подсчитал, что за год только 41 % из 1500 заключенных в главном тюремном учреждении Нью-Джерси принимали посетителя. Об аналогичных темпах посещения (которые со временем улучшаются) в канадских тюрьмах в середине 1980-х гг. см. [14; 94].

³ Термин «общее учреждение» был первоначально определен Э. Гоффманом в работе «Убежища. Очерки о социальном

Все это доказывает не то, что жизнь в средневековой тюрьме была приятной, а то, что она была в основном терпимой⁴. Наблюдение за обитателями было непостоянным, что делало их более свободными, но уязвимыми. Без средств на оплату долгов или штрафов заключенные могли томиться в неволе годами, приводя свои семьи к финансовому краху. Питание было скудным или недоступным, и те, кто не мог полагаться на постоянные поступления извне, выживали на благотворительные пожертвования, временами такие небольшие, как буханка хлеба в день. Сочетание несбалансированной диеты, стесненных условий и плохой гигиены означало, что заключенные (как и монахи) особенно часто становились жертвами эпидемий, что подтверждалось массовой гибелью во время эпидемии Черной Смерти. Насилие – вербальное, эмоциональное, сексуальное и физическое – было, возможно, самой большой проблемой средневекового заключения и часто шло рука об руку с другим обычным занятием – азартными играми.

По контрасту со строгим распределением времени в современных тюрьмах у средневековых заключенных не было четкого распорядка дня. Заключенные нечасто работали, развлечения были минимальными: посещения, разумеется, ограничены, материал для чтения достать было тяжело, места для досуга почти отсутствовали, алкоголь запрещен, а проститутки редки. Финансовые и правовые сделки могли занять какую-то часть времени, но они часто завершались в течение нескольких недель и редко давали возможность постоянно выходить. Попрошайничество за стенами разрешалось периодически даже до того, как некоторые администрации начали нанимать нищенствующих монахов для этих целей. Были, разумеется, ежедневные мессы и раздача хлеба, еженедельные проповеди и визиты надзорного комитета, а также литургические циклы, которые обитателям было несложно соблюдать, однако опосредованно через священные подношения на праздниках. В целом, однако, жизнь в средневековой тюрьме была скудна на события.

Размещение обитателей по отделениям – а они были распространены даже среди среднего размера сооружений – выявляет еще одну особенность средневековых тюрем. Подобные распределения основаны

положении душевнобольных и других заключенных» [32] как «место жительства и работы, где большое количество похожих лиц, отрезанных от общества в течение заметного периода времени, вместе ведут замкнутый, формально управляемый период жизни».

⁴ Следующие наблюдения основаны на моем собственном исследовании по муниципальным тюрьмам в Центральной и Северной Италии [30]. В значительной степени они подтверждают выводы вышеупомянутой литературы о Франции, Англии и Италии.

вались не только на тяжести преступления, но и на социальном статусе и доходе преступника. Фактически последний фактор перевешивал. Женщин, например, обычно размещали вместе вне зависимости от характера преступления, что было целесообразным в силу небольшого количества женщин и разделения по гендерному признаку практически во всех тюрьмах. В наиболее развитых системах то же относилось и к больным, и к признанным психически нездоровыми. Но заурядный преступник мог выбрать между несколькими отделениями, классифицированными по уровню размещения. Проще говоря, человек мог формально улучшить свои условия жизни: лучшие камера, пища, свет, отопление, кровать и т. д. были доступны за плату, неважно, была ли тюрьма предоставлена частным лицом или же муниципальной. Таким образом, администраторы могли подзаработать, при этом внешне соблюдая разделение по социальному признаку.

Надсмотрщики и стражники несли огромную ответственность. И хотя их работа была не настолько опасной, как сейчас (смертность среди персонала была мала в Средние века), она имела в себе некоторые противоречия, свойственные современности. Оклады персонала были скромными, что усиливало желание оказывать неформальные услуги или злоупотреблять своим положением. Стражники временами вовлекались, прямо или косвенно, в контрабанду проституток или других незаконных посетителей, продажу вина и в целом в покрывание азартных игр и отношений сексуального характера. Не нужно говорить, что не все подобные действия улучшали жизнь обитателей, но, если судить по низкому показателю смертности, небольшому количеству самоубийств и побегов (а средневековые тюрьмы были достаточно проходимым местом), а также нечастым нападениям на персонал, жизнь в средневековых тюрьмах была далека от «ада на земле».

В римском правовом мышлении, которое доминировало в средневековой юриспруденции, заключение в тюрьму считалось неподходящим наказанием – «удручающим для невинных, но недостаточно строгим для виновных»⁵. При этом, как было сказано ранее, лишение свободы как наказание поддерживалось Церковью за ненасильственный характер и даже преподносилось как лейтмотив – типичное «мягкое вмешательство» – церковного покаяния [22, р. 57–66; 37, р. 61–67; 51, р. 407–420; 69, р. 133–143]. Так, средневековое представление о тюрьме основывалось на связи между страданием и духовным ростом, и

⁵ Codex Theodosianus, ed. T. Mommsen and P. Meyer (Berlin: Weidmann, 1905), 9.3.1. Данное заявление изначально привело Моммзена к заключению, что «римское право не знало лишения свободы в качестве наказания (punitive incarceration)» [61, 1 : 149].

почти тысячелетие тюрьмы широко применялись как «чистилище на земле», а не «ад на земле» [59, р. 185–199]. Но с распространением муниципальных тюрем этот образ начал меняться в ту или иную сторону. В следующей части мы рассмотрим несколько таких примеров.

Увеличение использования лишения свободы в светской жизни подрывало традиционный образ тюрьмы как места для покаяния. Уже не являясь простой метафорой для «*vita angelica*» (ангельской жизни), заключение было переосмыслено как гражданский акт, так как возведение тюрем рассматривалось как символический акт светской автономии. Среди итальянских городов-государств, например, дебаты о закладывании новых построек для тюрем были поводом для гордости за ощущение прогресса и рассматривались как гражданская благотворительность. В записях обсуждений в городских советах часто поддерживался уход от олигархического прошлого и жестокого обращения с неблагогоными гражданами. Хотя подобные тексты намеренно критикуют более ранние аристократические режимы, они также показывают, насколько городские суды были заинтересованы в представлении новых тюрем как громоздких, но целесообразных, более эффективных и полезных учреждений⁶. Отражая подобные настроения, летописцы этого периода с одобрением описывают основание и использование местных тюрем [17, р. 25–27; 63, р. 27990, 1 : 442] – событий, историческая важность которых отражается в скрупулезном внесении подобных сооружений на картины городских ландшафтов того времени⁷.

Описания и изображения городских тюрем позднего Средневековья подтверждают, что эти организации воспринимались как легитимные символы с потом и кровью добытых городских свобод. Но это было не бездумное одобрение, современники не поддерживали церковное видение тюрем как «святилищ на земле». Перечисляя будущие чудеса Падуи ее мифологическому основателю, автор XIV в. Джованни дэ Нон останавливается, чтобы описать «Ужасное, зловонное место [во дворце подеста (главы администрации)], называемое Баста, куда помещают людей, задолжавших деньги другим, а также почти всех

⁶ В какой-то момент реконструкции в верхневенетских тюрьмах были сочтены необходимыми, поскольку нынешние камеры «заражали воздух и ослабляли тела [заключенных]» [11, 3 : 428]. Официальные документы, касающиеся создания новых тюремных камер см.: [17, р. 30–32; 67, р. 25–26, 28–29].

⁷ Флорентийская *Le Stinche* появляется как самостоятельное здание в плане Флоренция в одной рукописи Космографии Птолемея (Pietro del Massaio Biblioteca Apostolica Vaticana, Cod. Lat. 5699, f. 126v (1469)). Другая тюрьма была изображена на фреске XIV в. из Падуи – возможно, первой в своем роде – которая украшает часовню Сан-Лука в церкви Святого Антония Падуанского [64, р. 298; 76, р. 87–110].

преступников». Это не единственное место, которым Падуа могла бы гордиться: «Один из [оставшихся 10 дворцов], западнее, будет назван Новая Тюрьма и будет весьма основательным. Этот дворец разделит на 3 части: в первую будут помещать людей, которые должны другим деньги или задолжали общине штрафы или сборы, эта часть похожа на лимб; во второй будут те, кто совершил [небольшие] преступления, и эта часть будет похожа на чистилище; в третью поместят убийц, грабителей, мародеров и других преступников, чьи деяния тяжки, и в этом темном месте, куда не проникает ни луча света, вы почувствуете себя как в аду» [17, р. 20; 20].

Рассуждения Дэ Нона раскрывают более тонкое понимание тюрьмы, возможно, в свете ее различных функций. Хотя традиция проводить параллели тюрьмы с посмертием осталась неизменной, ее образ изменился, чтобы подстроиться под новые реалии гражданского правосудия. Настало время «жесткого вмешательства»: точно так же, как монастыри пытались связать чистилище на земле и рай, так и криминальное отделение тюрьмы Падуи предлагало осязаемую связь между адом на земле и его потусторонним аналогом. Если верить нашему автору, то остальные обитатели были в Лимбе или чистилище: не худшая из частей⁸.

Сохранилось несколько текстов, содержащих рассказы обитателей, и, что характерно, они полны резкой критики, сарказма и иронии. Авторы, такие как Дино ди Тур и позже поэты-сатирики Берчелло и Франческо Берни, восприняли свое лишение свободы не как наказание, а как результат локальной вражды, и представляли свои камеры не как врата к духовному возрождению, а как коррумпированные логова. Как показывает следующая выборка, некоторые авторы изображали свои тюрьмы как псевдо-рай, совершенное общество людей или утопию, в то время как другие направляли свои силы на обнародование суровой правды о средневековом лишении свободы. В итоге эти работы показывают уход от представления о тюрьме как о чистилище:

«Обдумывая это снова и снова
Я окончательно убедился,
Что тюрьма – лучшее место на свете.
Где можно сыскать лучшей жизни?
Где провести веселее дни?
Лишь безумец возрочет на нее.
В ней мы защищены от врагов» [55, 2 : 38–54].

«О ты, кто переступает порог этой камеры,
Если ты взглянешь на ее несчастных обитателей,
Ты не выразишь

Судьбы хуже нашей.
Мы обречены на страдания, посмотрите:
Мучаемся от жары, голода, холода и жажды.
Когда-то мы были свободными, как и ты,
О, мы не желаем тебе нашей судьбы.
Но мы молим о снисхождении
И возносим молитвы Господу всемогущему,
Чтобы он вернул нам свободу»⁹.

«О, славный флорентийский Стинч,
Небесный дворец, божественное место,
Достойное ста тысяч похвал.
К тебе приходят люди, преклонив голову,
И прежде чем подняться по твоим ступеням,
Они опускаются к твоему крыльцу» [2, л. 49–53]¹⁰.

В 1541 г. венецианский поэт Джованни Манетти завершил переход от inferнальных аллюзий к прямому сопоставлению тюрьмы с «адом на земле». В его созвучном Дантовскому путешествии по юридической системе Венеции Манетти описывает республиканские тюрьмы – чья структура сформировалась еще в конце XIII в. – как «ад на земле» [53]. Также одно из отделений венецианской тюрьмы он называет «Инферно» [50, р. 46].

Несмотря на преобладание потусторонних образов, некоторые авторы продолжают секуляризацию образа местных тюрем. Известный романист XIV в. Франко Сакетти взял в основу своего рассказа *Le Stinche* [82, 139 : 423 – 4]. Другая история, предположительно реальная, датируемая 1486 г., записана Пачиротто (*Pacchierotto*), известным флорентийским преступником и содомитом, в *Le Stinche* [78, р. 78], а германский монах Феликс Фабри в своем путешествии в Голландию в 1484 г. описал так венецианские тюрьмы:

«Тюрьмы для преступников, размещенные под дворцовой набережной, выходили на городскую площадь, освещаемые открытыми окнами с железными решетками на них. Через эти окна обитатели могли смотреть наружу, вытягивать свои руки и общаться с собравшимися вокруг. И если они были бедны, то могли просить милостыню у прохожих. В одной тюрьме я увидел больше сорока несчастных обитателей, бродящих и молящих о милосердии. В другой я видел заключенных мастеров, сидящих за станками и продолжающих работать, несмотря на свое состояние. В следующей камере я увидел богатых купцов, играющих в кости и шахматы; их женщины вместе со слугами и рабами стояли снаружи и разговаривали с мужьями. В одиночной камере я увидел одного старого еврея, лишённого свободы за долги, который повесился... [стражники] смотрели за большим коли-

⁸ Как отмечает недавний переводчик Данте, нынешние лингвистические конвенции скрывают тот факт, что чистилище – это, по сути, хорошее место для пребывания [1].

⁹ *Mazzi C., Il Burchiello* (Bologna: 1879), 70–71.

¹⁰ Склонение не было актом почтительности, так как вход в Стинч был маленьким [6].

чеством заключенных без особого усердия, тем самым предоставляя многим возможности к побегу, особенно если те решали, что их сокамерники чрезмерно жестоки... Для уверенности те, кого содержали в тюрьмах за тяжкие преступления и кого скорее всего казнят, содержались в более строгих условиях, но при этом не чрезмерных» [40, р. 409–410].

В этом тексте нет упоминания посмертной жизни, хотя он был записан, что немаловажно, членом религиозного ордена. Тем не менее описание идеализировано, чтобы соответствовать жанру «чудесного путешествия» того времени [56; 80, р. 5–35]. При этом, уравнивая мрачную поэзию Манетти, рассказ свидетельствует о социальной и экономической интеграции тюрем в средневековую городскую жизнь. И это именно интеграция – непосредственное участие других людей в жизни заключенных и наоборот – то, что не давало судебной системе Средневековья стать по настоящему невыносимой. Действительно, как заметил брат Феликс, описывая ситуацию в его родной стране, «одна из жестоких особенностей Германии в том, что тюрьмы для преступников – бесчеловечные места, темные, пугающие, расположенные в глубинах башен, сырые, холодные и часто кишасшие змеями и жабами, вдалеке от людей. Никто не приходит, чтобы облегчить жизнь этим несчастным душам, только жестокие пыточные дел мастера» [40, 2 : 410]. Тюрьмы средневековой Германии отставали от научного прогресса. Но не важно, было ли описание Феликса достоверным или вымышленным, в более широкой перспективе от тюрем подобного типа постепенно отказывались.

Этот краткий отчет о средневековых тюрьмах не призван отодвинуть дату рождения государственных тюрем на пять столетий назад или показать, что уголовное лишение свободных в Средние века шло по современным меркам. Хотя в Европе XIV в. лишение свободы использовалось чаще, чем когда-либо прежде, тюрьмы ни в коей мере не были основами местной пенитенциарной системы; и несмотря на то, что эти учреждения были важными винтиками машины отправления правосудия, они никогда не были настолько режимными и закрытыми, как их современные аналоги. Организация средневековых тюрем и их прозрачность позволяли быть уверенным в том, что не важно, каковы были цели и мотивы лишения свободы, обитатели продолжали взаимодействовать с окружающим обществом. Стены тюрем высоких Средних веков не были границами социального острова: расположение тюрем, распорядок дня в них и проницаемость не дают нам назвать жизнь в них «адом на земле», даже если восприятие их как «чистилища на земле» к тому времени потеряло популярность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Dante A. Purgatorio* / A. Dante ; trans. J. Hollander and R. Hollander. – N. Y. : Doubleday, 2003.
2. *Anonymous. Il primo libro del l'opere Burlesche di M. Francesco Berni* / Anonymous. – Florence, 1553.
3. *Barnes H. E. New Horizons in Criminology* / H. E. Barnes, N. K. Teeters. – 2nd ed. – N. Y. : Prentice-Hall, Inc., 1955.
4. *Bassett M. Newgate Prison in the Middle Ages* / M. Bassett // *Speculum*. – 1943. – № 18.
5. *Bassett M. The Fleet Prison in the Middle Ages* / M. Bassett // *The University of Toronto Law Journal*. – 1944. – № 5.
6. *Becchi F. Sulle Stinche di Firenze e su'nuovi edifizii eretti in quel luogo* / F. Becchi. – Florence, 1839.
7. *Beltrani-Scalia M. Sul governo e sulla riforma delle carceri in Italia. Saggio storico e teoretico* / M. Beltrani-Scalia. – Turin : G. Gavale, 1867.
8. *Bertolotti A. Prigioni e prigionieri in Mantova dal secolo XIII al secolo XIX* / A. Bertolotti // *Bullettino ufficiale della Direzione Generale delle Carceri*. – 1887. – № 17.
9. *Biffi S. Sulle antiche carceri di Milano e del Ducato Milanese* / S. Biffi. – Milan : C. Rebeschini, 1884.
10. *Bohne G. Die Freiheitsstrafe in den italienischen Stadtrechten des 12.–16. Jahrhunderts*, 2 vols., *Leipziger rechtswissenschaftliche Studien Hft. 4, 9* / G. Bohne. – Leipzig : T. Weicher, 1922–1925.
11. *Cessi R. Deliberazioni del Maggior Consiglio di Venezia* / R. Cessi. – 3 vols. – Bologna : N. Zanichelli, 1931–1950.
12. *Chiffolleau J. Les justices du Pape : délinquance et criminalité dans la région d'Avignon au quatorzième siècle* / J. Chiffolleau. – Paris : Publications de la Sorbonne, 1984.
13. *Coopland G. W. Crime and Punishment in Paris, September 6, 1389 to May 18, 1390* / G. W. Coopland // *Hanna S. A. Medieval and Middle Eastern Studies in Honor of Aziz Suryal Atiya*. – Leiden : E. J. Brill, 1972.
14. *Cordilia A. The Making of an Inmate. Prison as a Way of Life* / A. Cordilia. – Cambridge, MA : Schenkman, 1983.
15. *Dahm G. Das Strafrecht Italiens im ausgehenden Mittelalter* / G. Dahm // *Grünhut M., Schmidt E., Beiträge zur Geschichte der deutschen Strafrechtspflege*, vol. 3. – Berlin and Leipzig : W. de Gruyter, 1931.
16. *Davis M. City of Quartz. Excavating the Future of Los Angeles* / M. Davis. – N. Y. : Vintage, 1992.
17. *Dean T. The Towns of Italy in the Later Middle Ages* / T. Dean (ed. and trans.). – Manchester / N. Y. : Manchester University Press, 2000.
18. *Dean T. Crime in Medieval Europe, 1200–1550* / T. Dean. – Harlow : Longman, 2001.
19. *Dunbabin J. Captivity and Imprisonment in Medieval Europe, 1000–1300* / J. Dunbabin. – N. Y. : Palgrave Macmillan, 2002.
20. *Fabris G. La cronaca di Giovanni da Nono* / G. Fabris // *Bollettino del Museo civico di Padova*, new ser. 10 (1932): 1–33; 11 (1933): 167–200; 12–17 (1934–39): 1–30.

21. *Fadalti L.* Gli artigli del leone. Giustizia e carcere a Venezia dal XII al XVIII secolo / L. Fadalti, P. Sovernigo, M. Rebecca. – Treviso : Antilia, 2004.
22. *Ferrante J. M.* Images of the Cloister – Haven or Prison / J. M. Ferrante // *Mediaevalia*. – 1989 for 1986. – № 12.
23. *Fine B.* The Birth of Bourgeois Punishment / B. Fine // *Crime and Social Justice*. – 1980. – № 13.
24. *Finzsch R.* Institutions of Confinement. Hospitals, Asylums, and Prison in Western Europe and North America, 1500–1950 / R. Finzsch (eds.), R. Jütte. – Cambridge : Cambridge University Press, 1996.
25. *Foucault M.* The Birth of the Clinic. An Archaeology of Medical Perceptions / M. Foucault ; trans. A. M. Sheridan Smith. – N. Y. : Pantheon Books, 1973.
26. *Foucault M.* Discipline and Punish : Birth of the Prison / M. Foucault ; trans. A. Sheridan. – N. Y. : Vintage Books, 1979.
27. *Franzoi U.* Le prigionieri della Repubblica di Venezia / U. Franzoi. – Venice : Stamperia di Venezia Editrice, 1966.
28. *Gallo E.* Il carcere in europa / E. Gallo, V. Ruggiero. – Verona : Bertani, 1983.
29. *Garnsey P.* Social Status and Legal Privilege in the Roman Empire / P. Garnsey. – Oxford : Clarendon, 1970.
30. *Geltner G.* Crime and the City Solution : The First Century of European Prisons, c. 1250 – c. 1400 : PhD dissertation / G. Geltner. – Princeton University, in progress.
31. *Given J. B.* Inquisition and Medieval Society : Power, Discipline, and Resistance in Languedoc / J. B. Given. – Ithaca, N. Y. : Cornell University Press, 1997.
32. *Goffman E.* Asylums. Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates / E. Goffman. – Garden City, N. Y. : Anchor Books, 1961.
33. *Gonthier N.* La châtement du crime au Moyen Âge, XIIe–XVIe siècles / N. Gonthier. – Rennes : Presses Universitaires de Rennes, 1998.
34. *Grand R.* La prison et la notion d'emprisonnement dans l'ancien droit / R. Grand // *Revue historique de droit français et étranger*, 4th ser., 19–20/1–2. – 1940–1941.
35. *Grand R.* Justice criminelle : Procedure et peines dans les villes aux XIIIe et XIVe siècles / R. Grand // *Bibliothèque de l'École des Chartes*. – 1942. – № 102.
36. *Graus F.* Die Gewalt bei den Anfängen des Feudalismus und die «Gefangenenbefreiungen» der merowingischen Hagiographie / F. Graus // *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte*. – 1961. – № 1.
37. *Greenblatt S.* Hamlet in Purgatory / S. Greenblatt. – Princeton, NJ/Oxford : Princeton University Press, 2001.
38. *Greenidge A. H. J.* The Legal Procedure of Cicero's Time / A. H. J. Greenidge. – Oxford : Clarendon, 1901.
39. *Hanawalt B. A.* Crime and Conflict in English Communities, 1300–1348 / B. A. Hanawalt. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 1979.
40. *Hassler C. D.* Fratris Felicis Fabri Evagatorium in Terrae Sanctae, Arabiae et Egyptii Peregrinationem : 3 vols. / C. D. Hassler. – Stuttgart, 1843–1849.
41. *Von Hippel R.* Beiträge zur Geschichte der Freiheitsstrafe / R. von Hippel // *Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaften*. – 1898. – № 18.
42. *Von Hippel R.* Strafrechtsreform und Strafzwecke / R. von Hippel. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1907.
43. The Home Office, New Directions in Prison Design. Report of a Home Office Study of New Generation Prisons in the U.S.A. – London : HMSO, 1985.
44. *Ireland R. W.* Theory and Practice within the Medieval English Prison / R. W. Ireland // *The American Journal of Legal History*. – 1987. – № 31/1.
45. *Johnston N.* Forms of Constraint. A History of Prison Architecture / N. Johnston. – Urbana/Chicago : University of Illinois Press, 2000.
46. *Koenig J.* Prisoner Offerings, Patron Saints and the State Cults at Siena and other Italian Cities from 1250 to 1550 / J. Koenig // *Bullettino senese di storia patria*. – 2001. – № 108.
47. *Krause J.-U.* Gefängnisse im Römischen Reich / J.-U. Krause. – Stuttgart : F. Steiner, 1996.
48. *Krause J.-U.* Prisons et crimes dans l'Empire romain / J.-U. Krause // Bertrand-Dagenbach C., Carcer : Prison et privation de liberté dans l'Antiquité classique. Actes du colloque de Strassburg (5 et 6 décembre 1997). – Paris : De Boccard, 1999.
49. *Krauss F. A. K.* Im Kerker vor und nach Christus / F. A. K. Krauss. – Freiburg/Leipzig : Mohr, 1895.
50. *Laschi R.* Pene e carceri nella storia di Verona / R. Laschi // *Atti del Reale Istituto Veneto di scienze, lettere ed arti*. – 1904–1905. – № 64/2.
51. *Leclercq J.* Le cloître est-il une prison? / J. Leclercq // *Revue d'ascétique et de mystique*. – 1971. – № 47.
52. *Mabillon J.* Reflexions sur les prisons des ordres religieux / J. Mabillon // Thuillier V. Ouvrages posthumes de D. Jean Mabillon et D. Thirri Ruinart. – Paris : F. Babut, 1824.
53. *Manenti Z.* Opera nuova in versi volgare, intitolata specchio de la giustizia / Z. Manenti. – Venice, 1541.
54. *Manikowska H.* The Florentine Communal Prison – Le Stinche – in the Fourteenth Century / H. Manikowska // *Acta Poloniae Historica*. – 1995. – № 71.
55. *Manni D. M.* Le veglie piacevoli / D. M. Manni. – 2nd ed. – Florence, 1815.
56. *Von Martels Z.* Travel Fact and Travel Fiction : Studies on Fiction, Literary Tradition, Scholarly Discovery and Observation in Travel Writing / Z. von Martels. – Leiden / N. Y. : E. J. Brill, 1994.
57. *Mathieu I.* Prisons et prisonniers en Anjou au bas Moyen Âge / I. Mathieu // *Annales de Bretagne et des pays de l'Ouest*. – 2005. – № 112/1.
58. *Melossi D.* The Prison and the Factory : Origins of the Penitentiary System / D. Melossi, M. Pavarini ; trans. G. Cousin. – Totowa, NJ : Barnes and Noble, 1981.
59. *Menghetti M. L.* Scrivere in carcere nel medioevo / M. L. Menghetti // Frassica P. Studi di filologia e letteratura italiani in onore di Maria Picchio Simonelli. – Alessandria : Edizioni dell'Orso, 1992.
60. *Millar F.* Condemnation to Hard Labour in the Roman Empire, from the Julio-Claudians to Constantine / F. Millar // *Papers of the British Schools at Rome*. – 1984. – № 52.

61. *Mommsen T.* Römisches Staatsrecht : 2 vols. / T. Mommsen. – 2nd ed. – Leipzig : S. Hirzel, 1876–1888.
62. *Mommsen T.* Römisches Strafrecht / T. Mommsen. – Leipzig : Duncker & Humblot, 1899.
63. *De Monacis L.* Chronicon de rebus venetis / L. de Monacis. – Venice : Remondini, 1758.
64. *Moschetti A.* Gli affreschi della Cappella del b. Luca / A. Moschetti // Il Santo. – 1928. – № 1/4.
65. *Nicholas D. M.* Crime and Punishments in Fourteenth-Century Ghent / D. M. Nicholas // Revue belge de philologie et d'histoire. – 1970. – 48/2; 48/4.
66. *Nicholas D. M.* The Growth of the Medieval City. From Late Antiquity to the Early Fourteenth Century / D. M. Nicholas. – London / N. Y. : Longman, 1997.
67. *Pamploni G.* Firenze al tempo di Dante. Documenti sull'urbanistica fiorentina / G. Pamploni. – Rome : Ministro dell'Interno, 1973.
68. *Pazzaglini P. R.* Comments on the Comparable Practices of Medieval Imprisonment / P. R. Pazzaglini // Studi Senesi. – 1974. – № 86.
69. *Penco G.* Monasterium – Carcer / G. Penco // Studia Monastica. – 1966. – № 8.
70. *Peters E. M.* Prison Before the Prison : The Ancient and Medieval Worlds / E. M. Peters // Morris N., Rothman D. J. The Oxford History of the Prison. The Practice of Punishment in Western Society. – Oxford : Oxford University Press, 1995.
71. *Pini A. I.* Città, comuni e corporazioni nel medioevo italiano / A. I. Pini. – Bologna : CLUEB, 1986.
72. *Porteau-Bitker A.* L'emprisonnement dans le droit laïque du moyen âge / A. Porteau-Bitker // Revue historique de droit français et étranger. – 1968. – № 46/2.
73. *Poschmann B.* Die abendländische Kirchenbuße im frühen Mittelalter / B. Poschmann. – Breslau : Müller & Seiffert, 1930.
74. *Pugh R.* Imprisonment in Medieval England / R. Pugh. – Cambridge : Cambridge University Press, 1968.
75. *Racine P.* Les palais publics dans les communes italiennes (XII–XIII siècles) / P. Racine // Le paysage urbain au Moyen-Age. – Lyon : Presses Universitaires de Lyon, 1981.
76. *Ratté F.* Re-Presenting the Common Place : Architectural Portraits in Trecento Painting / F. Ratté // Studies in Iconography. – 2001. – № 22.
77. *Redi F.* Dalla torre al palazzo : Forme abitative signorili e organizzazione dello spazio urbano a Pisa dall'IX al XV secolo / F. Redi // Ceti dirigenti nella Toscana tardo comunale. – Florence : F. Papafave, 1983.
78. *Rocke M.* Forbidden Friendships : Homosexuality and Male Culture in Renaissance Florence / M. Rocke. – N. Y. / Oxford : Oxford University Press, 1996.
79. *Rosenthal J. T.* The Purchase of Paradise : Gift Giving and the Aristocracy, 1307–1485 / J. T. Rosenthal. – London : Routledge and Kegan Paul, 1972.
80. *Rubiés J. P.* Travel Writing as a Genre : Facts, Fiction and the Invention of a Scientific Discourse in Early Modern Europe / J. P. Rubiés // Journeys. The International Journal of Travel and Travel Writing. – 2000. – № 1/1–2.
81. *Rusche G.* Punishment and Social Structure / G. Rusche, O. Kirchenheimer. – N. Y. : Columbia University Press, 1939.
82. *Sacchetti F.* Il trecentonovelle / F. Sacchetti; ed. V. Marucci. – Rome : Salerno, 1996.
83. *Sargent S. D.* Religion and Society in Late Medieval Bavaria : The Cult of St Leonard, 1258–1500 : unpublished PhD thesis / S. D. Sargent // University of Pennsylvania. – 1982.
84. *Scarabello G.* Carceri e Carcerati a Venezia nell'Età moderna / G. Scarabello. – Rome : Istituto della Enciclopedia Italiana, 1979.
85. *Small C. M.* Prisoners in the Castellany of Artois in the Early Fourteenth Century / C. M. Small // Histoire sociale – Social History. – 1993. – № 26/52.
86. *Sykes G. M.* The Society of Captives. A Study of a Maximum Security Prison / G. M. Sykes. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 1958.
87. *Taylor I.* The New Criminology : For a Social Theory of Deviance / I. Taylor, P. Walton, J. Young. – London / Boston : Routledge and Kegan Paul, 1973.
88. *Thomson J. A. F.* Clergy and Laity in London, 1376–1531 : unpublished DPhil thesis / J. A. F. Thomson. – Oxford University, 1960.
89. *Van der Slice A.* Elizabethan Houses of Correction / A. Van der Slice // Journal of Criminal Law and Criminology. – 1936–1937. – № 45.
90. *Villani G.* Nuova cronica : 3 vols. / G. Villani ; ed. G. Porta. – Parma : Fondazione Pietro Bembo / U. Guanda, 1990–1991.
91. *Vincent-Cassy M.* Prison et châtements à la fin du Moyen Âge / M. Vincent-Cassy // Les marginaux et les exclus dans l'histoire, Cahiers Jussieu no. 5. – Paris : Inédit, 1979.
92. *Wiesheu A.* Bischof und Gefängnis. Zur Interpretation der Kerkerbefreiungswunder in der merowingischen Hagiographie / A. Wiesheu // Historisches Zeitschrift. – 2001. – № 121.
93. *Wolfgang M. E.* A Florentine Prison : Le Carceri delle Stinche / M. E. Wolfgang // Studies in the Renaissance. – 1960. – № 7.
94. *Zamble E.* Coping, Behavior, and Adaptation in Prison Inmates / E. Zamble, F. J. Porporino. – N. Y. : Springer-Verlag, 1988.

Университет Амстердама
Гелтнер Г., доктор, профессор кафедры истории,
религии и европейских исследований
E-mail: g.geltner@uva.nl

University of Amsterdam
Geltner G., Doctor, Professor of the Department of History,
Religion and European Studies
E-mail: g.geltner@uva.nl